

Борис Стругацкий

Звездолёт «Астра-12»

На сигарету упала тяжелая капля и погасила ее. Алексей бросил окурок, сунул руки поглубже в карманы и ежась прошелся по гребню. Было мокро, холодно, противно. Порывами налетал знобящий ветерок, приносил крупные капли. Вверху низко над головой клубилось серое туманное небо. Внизу, у подножья холма, на дороге стояло несколько машин — мощные приземистые грузовики-полувездеходы. Около машин стояли кучками люди, курили, нехотя переговаривались — ругали чертову погоду и ожидание. Дорога была хороша — совершенно прямая, гладкая, широкая, она пересекала черную топкую равнину, соединяя город с Большим Северным ракетодромом.

На горизонте, плохо видимые в тумане, темнели странные длинные сооружения, похожие на ангары для дирижаблей. Над ними торчали сетчатые мачты высоковольтной линии, уходящей за горизонт, и еще какие-то строения — серые куполообразные башни, огромные, тяжелые. Это был Большой Северный ракетодром — самый большой и самый северный в Союзе. Отсюда стартовали межпланетные корабли — на ИС Земли, на Луну, иногда и дальше: на Марс.

Алексей вздохнул и полез вниз, скользя по мокрой грязной земле, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Люди внизу подняли головы, парень в мокром кожаном шлеме, лихо сбитом на затылок, что-то сказал, все засмеялись. Алексей побагровел, сердито насупился и, повернувшись к ним спиной, побрел, увязая по щиколотку, к небольшой, настежь распахнутой дверце у самого подножья. Холм был искусственный. Лет десять назад здесь был просто большой полигон для испытания ракет. Наблюдатели помещались в окопах. Иногда громадные, величиной с дом, ракеты вследствие каких-то неточностей в установке вместо того, чтобы лететь в небо, начинали, изрыгая огонь, прыгать по равнине. Сначала обходилось без жертв, но однажды многотонная махина обрушилась прямо на окоп. Пришлось возвести вот такие холмы — под толстым слоем бетона и земли, рассчитанным на прямое попадание ракеты, наблюдатели могли чувствовать себя в полной безопасности.

Согнувшись, Алексей пролез в дверцу и поднялся по ступенькам в наблюдательный пункт. Здесь было тепло и светло. Алексей присел у стола, потер руки, озираясь. Большая серая комната с бетонными стенами. Вдоль передней стены в ряд — несколько столиков, рядом с каждым торчат прямо из стены трубки в брезентовых чехлах — окуляры

перископов. В комнате никого нет, но из-за полуоткрытой тяжелой двери в соседнее помещение доносятся голоса. Алексей узнал сиплый неторопливый бас Краюхина:

— ...Э-э, чепуха... Время у вас было... Нет, вы — растяпа...

Другой голос бормотал что-то, явно оправдываясь. Алексей усмехнулся — снова кого-то разносит — грозный дядя. С таким служить — ой-ёй-ёй! В комнату вошел, вытирая мокрое от дождя лицо, смуглый плечистый мужчина в кожаном пальто. Кивнул Алексею, прислушался, быстро прошел в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь. Теперь оттуда доносился гул трех голосов.

Алексей вспомнил — этого человека он видел в кабинете Краюхина во время их первого разговора, там, в Москве. Он сидел в углу у окна в большом кресле, лениво листал газету, поглядывая поверх нее на Алексея. Да, знаменательный был разговорчик. Здравствуйте, вы из военного министерства? Алексей отрапортовал. Так, очень хорошо, садитесь. Я Краюхин, Николай Захарович, будем знакомы. (Голос глуховатый и сиплый, слушая его, хотелось откашляться.) Кадровый офицер? Ага, двенадцать лет. Отлично. И все время служили в Кара-Кумах? Не надоело? Да, вы правы, конечно: и пустыню полюбить можно. Если не

ошибаюсь, участвовали в саульском походе? Конечно, не могли не участвовать — зампотех дивизиона бронетранспортеров. Вкратце, как там было дело? (Алексей рассказал. Это был страшный тройной самум, покрывший Саульский оазис и колонну транспортеров Алексея, вывозивших остатки населения. «За проявленную инициативу и успешное выполнение боевого задания» Алексей получил благодарность командования, но вспоминать об этом походе не любил: на одной из двух занесенных бурей машин остался его хороший друг — лейтенант Гаджибеков. Даже могилы его не нашли в барханах.) Краюхин слушал внимательно — плечистый, сутуловатый, с большелобой лысой головой. В полусумраке кабинета (шторы на огромных окнах были опущены) глубоко запавшие глаза его казались темными пятнами на узком безбровом лице. Так-так. Вы также принимали участие в спасении экспедиции Вальцева? Да, ну об этом я расспрашивать не буду — знаю хорошо и сам. (Об этом Алексей как раз рассказал бы с удовольствием — славное было, удачное дело.) Одинок и холост? Так-так. Это хорошо. (Чего уж хорошего, подумал Алексей.) Цель командировки известна? (Алексей сказал — участие в геологической разведывательной экспедиции.) Это, конечно, так, но и не совсем так. Вам, товарищ Громыко, предлагается принять участие в